

«БАТАЛЬОН ПРИЛЕТКИН»
(СТИХОТВОРЕНИЯ ЗАХАРУ)

Нижний Новгород
2023

...этот сборник составлен стихийно, из того, что было на сайте у Захара Прилепина. Примерно 5–6 лет тому назад я спрашивала у Захара – можно ли публиковать его стихи в альманахе «Третья столица»? Он сказал – зелёный свет!

И теперь мне всё – семафоры с победными огнями!

И этот сборник, чьи стихи-посвящения мне оглушительно понравились, думаю, что достоин бумажного варианта.

6 мая 2023 года прогремел предательский взрыв на въезде в деревню Пионерское Борского района Нижегородской области. За пять минут до взрыва дочь Захара вышла из ауди; у детей так бывает – терпят всю поездку, а под конец терпение пропадает.

Захар Прилепин был за рулём, его друг, соратник, боец Саша Шубин находился рядом. Взорвалась мина под левым колесом. Бампер отскочил, мотор вырвало с проводами, машина перевернулась. Захару осколки попали в ноги: открытый и закрытый перелом. Местные жители пытались оказать поддержку – анальгин, спазмалгон... кровь лилась на сухую траву...

Губернатор Глеб Никитин сработал оперативно, прислал вертолёт, который приземлился на место через 16 минут, раненого погрузили на носилки.

Вся деревня в шоке.

Террорист бродил по посёлку до взрыва, люди его видели, он приглядывал место, куда подложить мины и нашёл узкий проезд перед домами. Окна жителей в сторону дороги отсутствовали, ибо по преданию – окна должны выходить на запад, таковы нижегородские сельские приметы.

Здесь Керженец, здесь Малиновый скит, здесь особые места – старообрядческие.

Здесь и вправду красиво: озёра бирюзовые, леса дремучие, птицы певучие!

Не хочу говорить о подрывщиках. Какой смысл?

А вот о герое Саше Шубине не просто говорить, а возопить и благодарить его за смелость, отвагу, за преданность, за Русь, за подвиг!

Герой! На таких наша земля держится!

Вот что Прилепин написал в своём посте (привожу текст отрывками, ибо фразы писателя уже поэма): «Привет всей родне. Погиб мой родной человек, который работал моим ангелом-хранителем 8 лет. Саша «Злой» Шубин.

Бесстрашный солдат и друг, и брат.

Мне только что дали телефон. В СМИ некоторая путаница. Саша ехал справа на пассажирском кресле. Я был за рулем. Взрыв произошел под его колесом. Я потерял сознание минуты на три, очнулся и подполз к выбитому лобовому стеклу. Подбежавшие селяне помогли мне выбраться. У меня сломаны обе ноги (один перелом открытый) и еще там что-то. «Лента. Ру» пишет, что я не отдавал себе отчета в происхождении. Я их там не видел. На самом

деле я попросил принести мне телефон из машины, и тут же отдал все распоряжения, потому что всё было понятно, едва я очнулся. Потом соседка сделала мне обезболивающий...

Спасибо Пригожину, Медведеву, Захаровой, Симоньян, Миронову, Боякову, всем бойцам и офицерам «Оплота», братьям военкорам за то, что сразу отозвались. Мне принесли именно эти распечатки, других пока не видел.

Спасибо всей родне, я слышу и чувствую всё. Спасибо Санечке, за эти 8 лет он спасал мне жизнь несколько раз. Я не знаю никаких слов, что сказать тебе, Сань, сейчас. Мы с Саней как раз начинали строить молельню в нашей деревне.

Я ее дострою. Она будет в честь святого Александра.

Демонам сообщаю: вы никого не запугаете.

Бог есть.
Мы победим».

...и я не знаю, что сказать Саше Шубину, кроме наших стихов. И всё это будет только каплей. Кроме наших слов. И всё это будет малой толикой.

Брат наш!
Братья!
Герои!

...Керженец...заповедные места...не суетливые...дремучие кержаки!

На Керженце вся Россия держится! Говорили наши местные старики. Здесь особые люди. Особые приметы. Особые краски и звуки. Озёра – синие, глубокие, рыба всякая водилась – золотая! Птицы стоголосые, с медными клювами, синими очами!

Лисы снуют. Я как-то видела зайца, он бежал вдоль дороги, без остановки. Я нажала на газ, думаю, что обгоню. Но нет, так мы и передвигались километров 20 – я по дороге, заяц рядом. А потом наступило утро: небо открылось сразу, словно разверзлось. Заря во всё небо – огневая. И закаты тоже красивые – смотришь, смотришь, аж заворачивает, а потом ночь не спишь, переглядела!

Захар Прилепин как-то написал: "Света Леонтьева звучит как Державин Гаврила Романыч.

Нижегородская поэтесса, моя семья как-то гостила в её прекрасном доме. До сих пор думал, что Света по большей части про личное пишет.

Впрочем, это – тоже наше личное..."

Но дело не во мне: кинула я клич!

В поле я вышла!

И отозвались мне братья-сестры мои!

Спасибо Алексею Малышеву за спонсорство.

Спасибо ещё другим людям, кто просил не произносить их имён.

У них позывные – Добрый, Сердечный, Немеркнувший.

И мой позывной тоже – Гаврила Романыч. Я тоже вложила небольшую сумму.

Но стихи...Стихи! Вчитываюсь и понимаю: вот они – пророки! И про 27 есть. И про «смертников», и про взрыв в лесу. И про всё это наше, наше, наше, без чего жизнь лишается смысла. И то, с какими смыслами мы приобретаем себя через

слово, через строчки, через время – и есть настоящее!

Книге – добрый путь. Пусть она принесёт облегчение нашим раненым воинам. Пусть поддержит их!

*член Союза писателей России
с 1998 года, лауреат «Лучших строк столетия», гл. редактор альманахов «Третья столица». «Рождественская встреча»,
председатель фестиваля «Приокский причал поэтический»*

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА

Игорь Караулов

Теперь настало время выбирать
не депутата и не ветчину,
а выбирать, за что нам умирать.
Выходит так, что снова за страну.
За три берёзки или три ольхи,
снегами припорошенную даль.
Не за стихи? Пускай и за стихи,
в родном пейзаже малую деталь.
Задумываясь, если б да кабы
ты в ступе столько лет не истолок,
проговоришь "не быть или не быть" –
не столь уж и нелепый монолог.
За ту страну, что выйдет из огня –
по нашим спинам – чище и ясней.
За ту страну, что нового меня
однажды восстановит из камней.

Нам идти и идти до победы,
много силы ещё у врага,
но смотрите, как наши мопеды
распрямяют кривые рога.

От сержанта почти до министра
каждый третий у нас цветовод.
То герань, то вообще аспидистра
над землёй свою песню поёт.

Пусть осенние дни всё сeree,
но душа расцветает в бою.
Может быть, и персидской сирени
будет место в армейском строю.

Настроение мрачное выкинь,
для уныния повода нет.
Самый модный флорист Суровикин
составляет ударный букет.

Вот по небу летит традесканция,
гладиолус к атаке готов.
Неизбежна денацификация,
потому что мы дети цветов.

За Родину, что трижды пропита,
пошли сражаться мужики.
С военным опытом, без опыта,
а кто-то просто от тоски.
Всё схвачено в суде у ворага:
вот договор, а вот печать.
А выкупать придётся дорого.
Не долларами выкупать.

На пикапе "мицубиси",
но не где-то под Москвой
и не в сторону Тбилиси,
а дорогой фронтовой
едет парень угловатый,
каких много на Руси,
по фамилии Вивальди,
Брукнер или Дебюсси.
Руки-ноги – всё на месте,
хоть работа горяча.
Хороша модель L200,
боевая саранча.
Много скошено укропа,

но несметен счёт врагам.
Шлёт и шлёт на нас Европа
свой железный старый хлам.
Вот мелькнула вражья лапа,
запалился пидроздил –
и из кузова пикапа
пулемёт заговорил.
Две походных серых кошки
ждут парнишку в блиндаже.
Он сыграет на гармошке
танец тётушки Драже.
У пикапа "мицубиси"
зазвучит лихой минор,
и в донецкой звёздной выси
отзовётся дивный хор.

Что происходит в Артёмовске?
Просто Капец –
это главный герой Украины.
Вы, недотыкомки,
детям стрелявшие в спины,
гляньте сюда: "Ще не вмерла"
недолго вам петь.

разбитых АЗС под Волновахой
и яблони, цветущие в бреду.

Мы древние, но всё-таки не греки,
за местных не сошёл бы ни один.
Мы греческие ели чебуреки
в подвале у каких-то осетин.

А после на проспекте Metallургов,
где заново людскую строят жизнь,
асфальтовый каток из Петербурга
серьёзно нам гудел: "Поберегись!"

Донбасс цветёт сквозь все свои печали,
и на весеннем солнышке для нас
простреленные трубы "Азовстали"
под ветерком наигрывают джаз.

Снова гнёзда вьются на деревьях,
благодатный месяц наступил.
Посмотри, какое чудо в перьях:
это динозаврик Михаил.
Два яйца и булочка на завтрак,
день идёт исхоженной тропой.

"Это динозаврик, динозаврик!" –
малыши кричат наперебой.
Нету ни кольца на нём, ни метки,
он ничей, как белка и медведь.
Днём сидит, нахохлившись, на ветке,
а настанет ночь – он будет петь.
Эта песня режет без наркоза,
полосует сердце, как кинжал,
и под веткой расцветает роза,
хоть никто её здесь не сажал.
Может быть, за этой самой трелью
мы с тобой пришли на белый свет
и весну встречаем с этой целью,
а не ради маленьких побед.
Может, за нечаянной слезою,
а не ради самки и птенцов
он проделал путь из мезозоя,
оказавшись здесь в конце концов.
Динозаврик – и певец, и воин.
Он покажет всем, кто не уснул,
как поётся песня перед боем,
как растёт в ушах подземный гул.
Древних страт смешенье и смещение,
полыханье звёздного костра.
Воскресенье, гибель, воскресенье.
Два яйца и булочка с утра.

Елена Заславская

КРЫЛЬЯ ВЕСНЫ

Глянь, с нежных яблонь облетает цвет,
И словно крылья – ветви белых яблонь.
Мне этот край весною ранней явлен,
Войною изувечен и изранен,
И потому его родней мне нет!

Болит-болит разбитое крыло...
Его осколками от мины посекло,
Оно не даст нам белого налива!
Я так ждала, и так тебя любила,
Что мне от мыслей о тебе светло.

Я и сейчас люблю, и я б могла
Из лепестков сшить белые крыла,
И полететь над этою войною,
Над этою израненной весною,
Шагать по белоснежным облакам.
Так что ж теперь, коли весна красна

От крови пролитой, от пламени разрывов?
Она пришла, она непобедима!
Хотя казалось, что побеждена.

И что с того, что рядом бродит смерть?
Неужто не любить, не петь, не цвести?
Неужто тлену гибельному сдаться?
Глянь, саженцы стоят как новобранцы!
И им не страшно жить и умереть.

И что, коли земля полна свинца?
Они в нее корнями впились жадно!
И мы с тобой, как эти деревца,
Мы тоже станем яблоневым садом.

НА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ВЫСОТЕ

Вновь над Саур-Могилой ночь.
Вновь над Саур-Могилой канонада.
И кажется, что некому помочь,
Ни мне, солдату, ни комбату рядом.

Вдруг павшие на страшной той войне,
Отечественной, всенародной,
Воскресли, как один, пришли ко мне
И встали на подмогу.

Отцы и деды – вечные юнцы,
Мои ровесники по жизни и по смерти,
Чьи имена холодные резцы
Навечно высекли в гранитном монументе.

Как пел пророчески когда-то наш поэт
О наших мертвых, что как часовые,
На стратегической стоим мы высоте,
Плечом к плечу, погибшие с живыми.

И снова залп! По нам! По нам! По нам!
Донецкий кряж дрожит всем грузным телом.
Запёкшиеся губы шепчут: «Мама».
Я на земле. Но обнимаю небо!

Татьяна Антипова

МОЛЕБЕН ТРОИЦЕ

Красивым слогом да былинной речью
да как поведать горе человечьё?
Молебен Троице! Молебен Троице...
Лицо усталое водой омоется,
морщины скроются. Всё, как завещано,
а над иконочкой склонилась женщина
и часто крестится – дрожит рука:
– Я при живом-то муже одинёшенька,
сам хлещет горькую с утра до вечера,
есть в доме нечего, а деток четверо.
Хоть в церкви душенька да успокоится.
Вот и пришла служить молебен Троице.
– А ты, молодушка, что тут стоишь?
– Да не молодушка, уж третий выкидыш.
Вот и хожу сюда, чтоб снять проклятие...
Молебен Троице да с водосвятием!
– Что пригорюнилась, бабуля милая?
– Да я сама себе стою постылая,
а жизнь всё тянется, как сквозь туман:

была дочь пьяница, внук – наркоман.

Молебен Троице, что свет во тьме.

– А дочь?

– На кладбище.

– А...внук?

– В тюрьме.

А ей идти куда? Помимо Господа?

А и сказать кому, да только Богу самому...

– А ты что, девица, притихла мышкою?

– Да

я иконочку намедни вышила,

болгарским крестиком, как ваше мнение?

А скоро кончится? Жду освещения.

– Ну, ты с бидонами давай не шибко там!

...И кто-то с кольцами, и кто-то с вышивкой.

А кто с хоругвями, а кто с иконою,

и освещается вода студёная!

Как той водицею

да мне умыться бы?

Как мне умыться бы да успокоиться.

Вот и закончился молебен Троице.

Ой, треба верная. Да просьбы сложные...

Вот только знать нельзя, что там положено.

А судьбы горькие, а люди разные.

Слезой омоется, что было грязное.

Владимир Безденежных

СТАРЫЙ ГОРОД

Старый город, где жить очень странно,
не страшно.

Кремль от века стоит
о тринадцати башнях.

И никто не читает худого знамени
Только древние знают наверно камня
Что вросли в эту гору. Надгробий и плит
Кенатаф. Выпиваешь, поскольку болит.
Кетанов выпиваешь. От болей вчерашних

Не поможет. Немного,
чуть-чуть, ненадолго.

Под горою Ока дальше чёрная Волга
Да бескрайнее море тайги за рекой.
И ни зги. И покой, абсолютный покой.
Только поезд по рельсам костями гремит.
Холод, звери и люди, что были людьми
Прячут в шерсти на теле
блатные наколки.

Облетают как листья.
В земле истлевают.
Не предательский выстрел
Бьёт, не ножевая
Рана в праведной драке,
А скука пустая
Губит лучших. И злаки
Сквозь них прорастают,
И другие растения
Тянутся к свету.
Мне приходят их тени.
Я слышу их где-то
Вдалеке, в глубине.
Их слова необычны:
«Ты был к нам безразличным.
Ты утонешь в вине».
Не пугают меня
Эти речи тлетворны.
Всё равно не разъять
Крепко свитую нить.
Я вину и вино
Принимаю покорно –
Через них мне одно
Поминать-хоронить.

Светлана Василенко

Я хочу быть Максимом Горьким,
чтобы жить на берегу Волги в Нижнем,
писать в амбарной книге рассказы о ближних,
ходить по Руси в лаптях и рубахе.

Говорить на языке нижегородском,
не мешая его со французским,
окать на самом чистом, как Ока на Стрелке,
на самом русском.

Разрезать волну крылом волглую,
круг почетный свершая над Мининым.
Распугав всех окрестных пингвинов,
Буревестником полететь по-над Волгою.

Над утесом лететь, эх, Стеньки Разина,
чуя запах людской кровушки,
чтоб в Сорренто найдя хлеб да кровушек,
душу выхаркать ей, заразиной.

И раскуривать трубку с дьяволом,
превратиться в легенды и были,
И заплакать в платочек синий,
будто Волга. А мальчик был ли?

Арсений Гончуков

ЗАХАРУ ПРИЛЕПИНУ

однажды мой друг
(и я до сих пор считаю его другом, потому
что просто верю ему)
почти кричал на меня, говоря:
куда ты идешь, зачем живешь,
ты пишешь не то!

я и сам так часто думаю, полагая,
что вокруг меня идиоты
и тщеславные люди
и для них, и вместе с ними
я пишу – полную чепуху

друг говорил: никому не интересен
твой палец
который ты прищемил в двери
и что он у тебя болит
вот, например, интересна Россия,
несправедливая страна

Урсула Дар

Едва жива засыпанная снегом
Окраина Руси.
Но здесь дымится зеркало Онего,
И – Господи спаси! –

Какие в нём ерши и зодиак
Под хрустнувшим ледком,
Когда в ночи свирепствуют собаки
Косматым языком.

Дай вы-го-во-ритель-ся! Не захлебнуться
Среди твоих чудес,
Дай мордой в небеса твои уткнуться,
В дозвездный лес.

В пустынях снеговых или бумажных
Почуять дай – молю!
Что плачет сукин сын, со-друг, со-бразник
Со-брат по словарю.

Дай поцелую в губы золотые
За слово-серебро,
А сердце, словно конница Батя,
Топочет под ребро.

* * *

Свет ноября. Перегорели спички.
Трепещет костерок.
Поговоришь с Онегой по привычке –
И волны между строк.
И ряпушка в бездонной сковородке,
Картошка в котелке.
Так хочется свободы – или водки
На русском языке.
Земля моя – озябшая, живая,
Из домовин бараков и хрущев
Шарахает победа моровая...
Мы выживем ещё.
Перезимуем, запалим огарки,
Мазут сотрём со лба,
Воскресшие у божьей кочегарки,
Где теплая труба.

* * *

человек смотрит на море
море смотрит на человека
и думает
какое же я большое!
какой же он маленький!
потом человек уходит и уносит
в себе целое море

человек смотрит на бога
бог смотрит на человека
и думает
какой же я большой!
какой же он маленький!
потом человек уходит и уносит
в себе целого бога

человек смотрит на маму
мама смотрит на человека
и думает
какой же он маленький!
какая же я большая!
потом человек уходит
и вечно носит в себе женщину, которая
была для него морем и богом.

Людмила Зуева

Ты – храм, расстрелянный.
И сотни тысяч пуль –
Птиц адских трелями –
В тебе, как богохуль.

Ты – солнце, вставшее
Луной однажды утром:
Но живы павшие –
Во братстве рыжекудром.

Ты – ночь моя без сна,
И яблочные брызги
Кислятиной вина –
Так плачутobeliski.

И где-то на краю
Окраины украиной,
А, может быть, в раю –
Брат обнимает Каина.

Михаил Крупин

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ

Мой дивный брат по крови слова!
Роднися с вольною судьбой!
Пусть солнце счастья благого
Стоит в зените над тобой!

Всех муз веселое собранье
И всех святых согласный взор
С тобою вместе на гуляньи
И в утружденьи с давних пор!..

Твоя строка как чарка яда,
Что во спасенье налита,
И пьется мне, хотя не надо,
Нельзя так залпом пить с листа...

Перемахнув запруды, касты,
Со всею Русью ты «на ты»!
Хочу, чтоб соколом лобастым
Всех утиц видел с высоты!

С прекрасной Днюхой поздравленья
Прими как антикварный грош!..
И из-под ласты – как тюлень я –
Слежу как воздух ты стрижешь.

Елена Крюкова

ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ

(Захару Прилепину)

Напиться бы, ах, напиться бы,
напиться бы – из горсти...
В отрепьях иду столицею.
Устала митру нести.
Задохлась!.. – лимон с клубникою?!.. –
железо, ржу, чугуны –
Тащить поклажей великою
на бешеной пляске спины.
Я выкряхтела роженочка – снежок,
слежал и кровав.
Я вынянчила ребеночка –
седую славу из слав.
Какие все нынче бедные!
Все крючат пальцы: подай!..
Все небо залижут бельмами!.. –
но всех не пропустят в Рай.

А я?.. Наливаю силою кандальный,
каленный взгляд.
Как бы над моей могилою,
в выси купола горят.
Нет!.. – головы это! Яблоки!
Вот дыня!.. А вот – лимон!..
Горят последнюю яростью
всех свадеб и похорон.
Пылают, вещи головы, волосы –
серебро да медь,
Чернеющие – от голода, глядящие –
прямо в смерть!
Шальные башки вы русские, –
зачем да на вас – тюрбан?!..
Зачем глаза, яшмы узкие,
подбил мороз-хулиган?!..
Вы срублены иль не срублены?!..
...Ох, Васька Блаженный, – ты?!..
Все умерли. Все отлюблены.
Все спать легли под кресты.
А ты, мой Блаженный Васенька –
босой – вдоль черных могил!
Меня целовал!
Мне варезжки поярковые подарил!

Бежишь голяком!...–
над воблюю смоленых ребер – креста
Наживка, блесна!..
Надолго ли крестом я в тебя влита?!
Сорви меня, сумасшедшенький! Плюнь!
Кинь во грязь! Растопчи!
Узрят Второе Пришествие,
кто с нами горел в ночи.
Кто с нами беззубо скалился.
Катился бревном во рвы.
Кто распял. И кто распялился
в безумии синевы.

А ты всех любил неистово.
Молился за стыд и срам.
Ступни в снегу твои выстыли.
Я грошик тебе подам.
Тугую, рыбой блеснувшую
последнюю из монет.
Бутыль, на груди уснувшую:
там водки в помине нет.
Там горло все пересохшее.
Безлюбье и нищета.
Лишь капля, на дне усопшая, –
безвидна тьма и пуста.

А день такой синеглазенький!
У ног твоих, Васька, грязь!
Дай, выпьем еще по разику –
смеясь, крестясь, матерясь –
Еще один шкалик синего,
презревшего торжество,
Великого,
злого,
сильного
безумия
твоего.

ЗНАК НАД БИТВОЙ

*Симь побъдиши...
Такъ: симь побъдиши...*

Ах, расстели ты на снегу кровавом плат...
Серебряная парча...
взмахни всё чище, выше,
Там, видишь, утки возвращаются, летят...
Летят на север с юга изобильного...
А мне куда вернуться, мой Господь?..
Боярыня твоя, раскольная, двужильная,
Всё пламенней, жесточе гибнет плоть...

Подставляла плечо бы. (О, женские плечи,
эти хрупкие косточки, связки, ключицы!)
Есть фундамент, который не перекалечишь.
Есть основа, которая в темень искрится.
Да святится пусть имя твоё!

Ты мне пишешь:

«Свет. Приветы тебе!»

Мама, две твоих дочки
и Мария-жена, сыновья! О, мальчишки!
О, вихрастые чёлки! Планшеты и книжки!
О, парные затылки. Вспотевшие спинки.
Целовать их – младенчиков –

в попки, подмышки.

Вот об этом в письме, где слова,

как кувшинки,

как рябины, как ёлки, снежинки, щетинки
излагала бы. Пальцы бы ладаном пахли,
золотую лавандой, черёмухой, мёдом.

Довелось же нам, русским,

заштопывать крахи.

Довелось же нам, русским, чтоб пули,

как маки

дозревали в подкошенных нас небосводо.

А мы – русские – словно бы громоотводы
всей земли от несчастий! От горя, разрухи.

А во мне плачут все Ярославны! В старухе,
в молодухе, певунье! И мне все открыты
эти женские плачи, что собраны в сердце.
А мы, русские,

словно бы все страстотерпцы.

Пережили мы время – трагедий, коммерций,
пережили мы время лихих девяностых
и десятых лихих. И уже нам не деться
ибо в каждом есть Пушкин,

Толстой, Чехов, Герцен,
ибо в каждом Прилепин Захар

ритмом бьётся!

Я тону в его книгах, как будто в колодцах.
В «Патологии», в «Саньке»,

а про Луговского

я читала пять раз. И читать буду снова.

Прижимать к телу красной строкою

построчно.

Допивать, как вино, его книги я буду.

Как вино виноградное белое ночью,
как вино аргентинское, что желтогрудо.

Алкоголь я не пью. Но пьяна его речью.

Его правдой прилепинской, всечеловечьей.

Его профиль, гляди, Иоаннопредтечев.

Для него в церкви сорок небесных я свечек

зажигая, молясь. И грызу своё небо.
И ещё, я признаюсь, о, да, что поэты
быть хотят, как Прилепин!

Но всем невозможно.
Ибо им не открылось! Так млечно. Таёжно.
А такие, как он, прямо в космос,
в рассветы –
воздеты!

ГЛАВА ПЕРВАЯ «САНЬКЯ» (АССОЦИАЦИИ)

Когда параллельною жизнью живёшь
с соловьиной свирелью:
у всех девяностые годы лихие,
а ты в ночь рожашь
хорошенького и кудрявого сына!
И что карамелью
ты пахнешь, ты сладкая вся,
как малиновый заяц.
У всех – суета.
И на Пушкинской митинг сегодня.
У всех – безработица, дача с картохой,
морковью.

А мне – отходящие, околупродные воды.
А мне – больно...
У всех – по талонам купить бы
сестного на ужин.
А мне – как кормящей мамаше
бы чаю с лимоном.
И, чтобы потрескавшийся
мой сосок зажил тут же
от мази, что куплена нынче в аптеке
хвалёной.

В заботах домашних!
Не хочется мне на работу
от слова «совсем». Оставлять
как детишек в детсаде?
Цепляется сын за подол
и ладошкой находит
он руку мою и вопит:
– Мама, мама, не надо!
А после к окну припадает
всем детским он телом...
Какая работа?
Какое серьёзное дело?
Лишь помнится личико залитое
всё слезами,
с работы бежишь семимильными
словно шагами!

Распятые. Распятые...
На гвозди земля вся, планета
живая ещё, но вколочены гвозди ей крепко.
За деньги, за деньги, за нефть,
за алмазы и золото
стреляют в дома, в мишек, зайчиков,
в книги, кровати.
Они – сумасшедшие,
просто больные мозгами.
Да лучше повесились бы, как Иуды,
так было б честнее.
...Осколком по зеркалу, пудре,
по крему, по раме,
которую мама отмыть никогда не сумеет...

САНЬКЯ-ПОМИДОР

Для меня Захар Прилепин –
детство, старость, юность,
взрослость, жизнь,
для меня он – ополченец,
президент литературный, белый лист.
Истомись. Пронзись. Послушай. Исчитайся.
Бейся грушей
о чужой кулак – явись!

Это в сказке – жили-были, пряли,
плакали, приплыли.
Это в жизни – синь Афгана,
кровь на рваном дне кургана.
Мне Захар – проект России от Софии
до Марии.
«Санья», как сопротивленец,
песня в коей Святогор.
Он – Ахматовский мне сор.
Из него растут цветные –
поле, лес, цветы, красоты,

что на грани боли, смерти,
мне Захар негей парады, нелгбт, не третьи
секс-меньшинства и не ейти,
И растут, вы мне поверьте, из Захара дети.
Поколение «Z», не плети –
пряник,
голуб-яван.
Новый Павка молодёжный.
Прочитаю книгу кожей.
Жёстко. Хлёстко. Не красиво. Сопли. Слёзы.
Биты, Жути.
Как шампанское в кунжуте.
Родина – она на мате, драках, бункере,

Жалко хлопца с фамилией Шубин,
за други он жизнь положил –
весельчак такой, светлый!

Мы все поделились теперь
на высоты и ниши.

Привет от Захара!
Он смерть отменил свою свыше!
Кудахчут теперь либералы и прячутся укры
под перья седых куропаток, как мухи.

Родился в рубашке Прилепин,
скорее в доспехах.
... Дорога – канавы да рытвины,
как тут проехать?

А после Неклюдово как повернуть
на Семёнов?

Потёмкино, Керженец?
Ибо малиновым звоном,
малиновым скитом,
малиновым старообрядцем
сюда как добратся?

И если сюда, то из чрева родиться –
рожаться,

и если сюда – хорониться
да в небо взметаться!

Работайте, братцы!

МУЖСКАЯ РАБОТА

Лишь только на тракторе, грузовике
по этим колдобинам, рытвинам, ямам
проехать возможно сюда по полянам,
иначе застрянешь во березняке!

А запах какой от земли, от болота:
проехать сюда – вот мужская работа.

А Саша «злой» – добрый. Охранник Захара,
уйти в двадцать семь никому неохота
не ради зарплаты,
престижа, навара,
за друга ушёл он – такая работа.

По узкой тропинке в деревьях всё небо!
«Семёновских синь чащ»
да лиственниц гребни,
в Кержачных, что кружат нам голову, бродах,

уехать сюда ото всех миномётов,
снарядов, разрывов, ранений, прилётов –
такая работа...

Но нет, не дождётесь, война так огромна,
на полземли, в Питере, в Нижнем и дальше.
И кланяюсь низко я Шубину Саше,
невесте его и родне и пехоте,
Луганску, сожжённому бомбами дому.

Эпоха часов громко тикает в плоти.

Эй, укры, вы врете, вы врете, вы врете,
всех не перебьёте ни грудь, ни в животик,
всех не разорвете на минах в цейтноте!

Захар написал: буду строить молельню
(он так называет часовню в посёлке...).

– Спи, братушка, спи, – перепёлки про-
пели...

– Спи, братушка, спи, – покачнулись две
ёлки.

Продолжим мы яро к рассвету, к восходу
мужскую работу!

КАФЕ «ЕКАТЕРИНА» ПО ДОРОГЕ В СЕМЁНОВ

Крестильня, едальня, могильня, питейня,
ковальня, пекарня, ружейня и швейня,
линейна, семейна, музейна, юродива,
стильна –
Россия!

Сказала тогда Катерина Вторая: панове!
И встала в Одессе да в Питере наизготове,
и встала, как Матерь Великая

в бронзе и в камне.

Как жаль, что есть смерть человеческая,
что телами

мы смертны. Но есть нечто выше –

есть русская память!

И властно взирает на вечно шумящий,
кадетский

Царица как будто за храм,
на проспект ея Невский!

Строитель, в миру основатель
и освободитель

внук – Царь Александр наш Второй,
так его почитали.

И он подписал Манифест.

Да хоть что говорите,
а он – управитель!

Воздвиг сей он памятник знатный
на весь город Питер!

Михайло Микешин

(о, мне бы таланты скульптуры
из меди вылавливать!

Эти людские фигуры!)

На ярусе среднем – Суворов,
Потёмкин, Румянцев,

Орлов, адмирал Чичагов,
да Дашкова, Державин,

Бецкой, Безбородов.

Над ними фигура в багрянце
стоит величаво огромная Матьер-Держава!

У Бога все живы, у Бога нет мёртвых,
снесенных,

полковников нет, нету сотников и есаулов,
нет ксёндзов, казаков, князей,

нет деревней, посулов,

у Бога лишь верующие в него есть,
поэтому – всё им!

Любите историю – разную, всякую. Это,
что нас охраняет, нас учит.

От Леты до Леты.

Историю может судить только
самый немощный,

царей осуждать да правителей

все мы охочи.

Придите сюда – поглядите царице

полночной

во царские, синие, светом пронзённые
очи!

Юрий Пронин

ДЕВЧОНКА

В Манчестере, Риме, какой за границе
Мы встретим девчонку такую,
Чьи волосы цвета созревшей пшеницы
Российскою сказкой чаруют?

Глаза васильковы и щёки румяны –
Июльского поля отрада.
Так что ж, европейские вы «несмеяны»,
Российской девчонке не рады?

В нетопленных виллах и стылых поместьях
Когда-то холёные дамы,
Что кушают «Твиксы», «Хот-доги» и «Нестле»
И смотрят свои лишь программы,

Скривив, утолщённые ботоксом губы,
Природе простой не внимая,
Мечтают дожидаться как медные трубы
Ей марш похоронный сыграют.

Не буду всезнающим грозным пророком,
Но вижу – народ понимает,
Что то ожиданье подкатится боком
Тому, кто девчонку ругает.

УКРАИНА 2014 ГОДА

На челе твоём прыщи корявятся.
Из глубоких ран сочится гной.
Женихи к тебе навряд ли явятся,
Кто ж захочет жить теперь с тобой?

Расползлись по телу пятна трупные,
По живой, от ужаса немой.
Для здоровой кости время трудное:
Украина – ты больна чумой.

Александр Проханов

посвящаю Захару Прилепину

СУХОЕ МОРЕ

Мой стих упал на дно сухого моря.
Ушёл на фронт, забыв полить цветков.
Лицо жены, померкшее от горя.
Блокпост. Стрельба. Алеющий восток.

* * *

Всю ночь в Донецке грохотали пушки.
Горел бетон, дымилась арматура.
В развалинах лежал убитый ГРУшник.
Зловещая войны архитектура.

* * *

Комбат убит. Мы молча пили водку
В прифронтовом дешёвом кабаке.
А рядом миномёты драли глотку,
И мины разрывались вдалеке.

* * *

Пронзённый в грудь, лежал на дне воронки.
Я был один, заброшен на земле.
В заре летели чёрные вороны
И что-то хриплое они кричали мне.

* * *

В степи, на месте минного разрыва,
Где бинт лежал разорван и кровав,
Растёт травы серебряная грива.
В народе имя ей – «разрыв-трава».

* * *

Кто ты, светловолосый украинец?
Кого любил? В каком посёлке жил?
Кому на праздник привозил гостинец?
Будь проклят час, когда тебя убил.

* * *

Он был сражён недрогнувшей рукой,
Всадившей пулю точно и жестоко.
И был подхвачен белою рекой,
В которой нет ни устья, ни истока.

* * *

В пшеничном поле – два подбитых танка.
Я заглянул в распахнутые люки:
Танкистов обгорелые останки,
На пулемёте скрюченные руки.

* * *

Как воск, потёк железный ствол винтовки.
Платок жены по небу гонит ветер.
Мокры, как кровь, в газетах заголовки.
Я умер. Я проснулся на рассвете.

* * *

Он был носатый одессит,
Играл в одесском джазе.
Его брелок ещё висит
В подорванном КАМАЗе.

* * *

Девушка в холщовой вышиванке.
Поцелуи сладкие, как мёд.
На рассвете появились танки.
Я стянул с плеча гранатомёт.

* * *

Мы ночью охраняем мост,
Отец и мы, два сына.
Когда б ты знала, сколько звёзд –
Зелёных, белых, синих.

* * *

Пусть ты издал последний крик,
Но жить не перестал.
Твой луч пройдёт в смертельный миг
Сквозь радужный кристалл.

* * *

Когда промчусь я по кругам,
И мой настанет срок,
Смерть поднесёт меня к губам
И сделает глоток.

* * *

Железных мух назойливое пенье.
Багровые зарницы вдалеке.
Я помню, как на праздник, на Успенье,
Ты подошла в сиреновом платке.

* * *

Они его втроем забили в угол.
Железный прут без устали хлестал.
В миру он добывал донецкий уголь.
Став ополченцем, умер за Христа.

* * *

Мой дед снискал георгиевскую славу.
А мой отец погиб под Сталинградом.
Я пережил шестнадцать войн кровавых.
Теперь лежу под украинским «градом».

* * *

Ваши алые знамёна,
Ваши рыжие чубы.
Огневые батальоны
И простреленные лбы.

* * *

Кто поднял бурю? Кто за ней грядёт?
Чей лик узрим? К какому исполину
Прильнут народы? Кто перегрызёт
Истории гнилую пуповину?

* * *

Я акушер. Я принимаю роды.
В моих руках грядущее родится.
Открылся зев, и истекают воды.
Своё дитё рождает дьяволица.

* * *

Весь этот опыт с кровью и слезами
Я никому на свете не отдам.
Я смерть встречал с открытыми глазами,
Закрыв глаза убитым городам.

Владимир Решетников

ЗАХАРУ ПРИЛЕПИНУ

Чокнусь я с тобой стаканом разовым,
Пластиковым хрустом ужаснусь.
Затяни же песню Стеньки Разина
Про былую, будущую Русь.

Ты остерегаешь: будет месиво
Мутное, кровавое, и глядь –
Братцы на плечо «стволы» повесили,
Могут по ошибке расстрелять.

Знаешь, я давно с душой расстрелянной,
Просто по инерции совсем
Возраст тела меряю апрелями,
Насчитал недавно – тридцать семь.

Михаил Садовский

АРСЕНИЙ ПАВЛОВ, ГЕРОЙ ДНР

...Пойми средь нацистского ора
и в злой неизбывной тоске...
За что погиб великий Моторола? –
За право говорить на русском языке!

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

(Захару Прилепину)

Простирается любовь вселенская,
прорывается сквозь толщу лет.
Мы наследники Александра Невского,
блистательных его побед!

Мы наследники православной веры!
Мы не отступники подлые.
Да будет Невского жизнь примером
мудрости,
мужества,
гражданского подвига!

И постигнем непостижимо главное,
не страшась обиды или перегрузки:
если Вы русский, значит, православный.
если православный, – значит, русский!

Мы в наше время бушующее
живем и любим Родины ради!
А без прошлого нет будущего,
«Бог не в силе, а в правде!»

Простирается любовь вселенская,
прорывается сквозь толщу лет.
Мы наследники Александра Невского
и –

во славу России! –

побед!

ВЫСТАВКА ДЕТСКОГО РИСУНКА

... Вы, успешно ребенка в себе убив,
шагаете, презентабельны и милы,
ухмыльнетесь слащаво: «Какой примитив!»,
но это мирку непостижны Миры.

Дети с искренностью рукопашной
рвутся в бой не на Вы, а на Ты...

Не измерить высокомерностью вашей
их космической высоты!

Сел аккумулятор?

Забилась жизни форсунка?

Обанкротилось защитное воинство?

Выставка

детского

рисунка

целительные

являет

свойства!

На выставке детского рисунка

поют-заливаются соловьи

так, что даже самая несчастная скука

не воет – счастьем радуется и любви!

Будущего политики, архитекторы неба,
открыватели новых вселенных!

Отринуты постулаты

«Зрелищ и хлеба!»...

Кроме Чуда, всё параллельно.

Ах, это чудо, удивления чудо –
Вечное

ангельское

сердечко!

Не пройдет мечта, как простуда,
на полет не накинуть уздечку!

Удивления счастливого слезы...

Удивленья понять попытайся:

Родина, синее небо, березы

И – полет

улетной

фантазии!

Владимир Терехов

ЗАХАРУ ПРИЛЕПИНУ

1

Ты выделялся между пацанов,
По крайней мере равным мог казаться.
Досталась слава бешеной ценой...
Но ведь могла и вовсе не достаться.

У нас уж был талантливый босяк,
До гения немножко не хватило.
У каждого поэта свой косяк,
Который не простят и у могилы.

Творюг газетных слышен стон и вой,
Скуленья париотов, либералов.
Стоит у славы зависти конвой.
Творцов всегда свои же доставали.

Пребудут пусть всегда с тобой слова,
Навалом денег добывает слава.
Опять что делать и кто виноват?
Срок не впяли. Пуля миновала.

Жизнь длиннее ее описанья
И короче, чем мысли о ней.
Мою бабушку дед кликал: «Санька!»
Помню с детских чудеснейших дней.

Деревенские честные годы!..
Вы теперь от меня далеки.
Над Россией всегда непогода,
Время счастья сочтешь на деньки.

Удалось мне почти не прогнуться
Перед миром, в который пришел,
Но уже времена не вернуться,
Где мне было всегда хорошо.

И когда я встречаю похожих
На себя в моих детских мечтах,
Ощущаю, что жил я негоже
И давно сам себе не чета.

У истории стоя за дверью
В роли зрителя или слуги,
Остается, скрипя сердцем, верить,
Что не смог ты – другие смогли.

Шелест ветра в ушах, хорошо на душе...
Ты стоишь, а как будто бежишь...
Вот уже рассвело. Стало небо стужей,
в нем одна лишь звезда чуть дрожит.

Воздух сладостно в грудь для души наберу.
Боже мой! Как ей хочется жить!
С ней мы были в бою, на балу, на пиру,
шли на риск, напролом, на ножи.

Я душою уже не хочу рисковать,
ее хочется лишь ублажать.
Но не дружит с душою моя голова,
и перечит ей часто душа.

Редок час, когда вместе они заодно.
Вот сегодня тот редкостный час,
когда на душе и в уме не темно,
душа в теле, башка на плечах.

Под звездой последней на небе стою,
вее ветер, снежок ворошит...
Ум с душою в согласье, дуэтом поют.
Каждым мигом таким дорожи!

Владимир Хомяков

ЗАХАРУ ПРИЛЕПИНУ

Поэты – смертники России,
ее нещадной синевы,
успокоенья не просили
и не сносили головы.

Их убивали искупленьем
хмельного дерзкого греха.
И словно было преступленьем
перворождение стиха.

Их наказали, наказали
ожесточением в душе.
И что они не досказали –
то не доскажется уже.

Уходит Божие веленье.
И поглощает синева
невозвратимое волненье,
невозродимые слова...

Но первородной реять силе!
Сразили их – и не сразили:
стоят они, светлы до слез,
поэты – смертники России –
у белокаменных берез!

Ольга Хохлова

ЗАХАРУ ПРИЛЕПИНУ

в финале дня, где мы – за кадром,
миры стаканами граня –
сон, словно школьная закладка
вдруг выпадает из меня

и память, прошлое листая
всё силится вернуть её
туда, где музыка простая
о вечных истинах поёт

туда, где всё уже понятно;
и всё, понятно, по плечу;
где я, за музыкой невнятной
сквозь горло пьяное лечу –

в коньячный пар. в земли шатанье
и, как предвидимый итог –
губ незнакомых трепетанье
то между строк. то между ног;

в шальную точку невозврата –
где вечный шарик голубой;
где мы, счастливые когда-то,
впервые встретились с тобой.

ТОРЖЕСТВО

Захару Прилепину

1.

время выйти на свет
снять маски. поднять забрала
жизнь была
а попадала – куда попало

и –
то ли я на крючке
то ли время застыло леской –
мои братья глядят на меня
из ближнего перелеска

мои братья
с кривой усмешкой
с кривой замашкой
нам бы сессию откосить
да сгонять за бражкой

да одна промашка

мои братья глядят на меня сквозь

свои прицелы

мы не братья больше.

на каждом из нас – ценник

продается всё – от старшего

до солдата –

всё, чем степь богата.

2.

что там тикает

что там в степи

за ковылём

что-то тихо там

словно

и не живём

словно птицы

снова поют

и кузнечики скрежещат

словно не было ничего

о чём все и так

молчат

что за пуля?. все пели – дура

а она как раз – молодец –

ей что зелень что профессура –

заслужил,

боец!

3.

и снова – ни слова, ни вздоха,

все взгляды – во тьму

и снова чирикнет полоска

небес бахрому

не знаю, откуда мой ангел за левым плечом

но тот, что за правым –

когда-то был тоже – врачом

когда-то был тоже в халате

как я – зубоскал

вчера в полевом медсанбате

на бинт простыню изорвал

и плакал

лицом окунувшись

в притихшую степь

и плакал –

привыкший. учивший. осиливший смерть

я имя не помню
лишь белые руки
в кошмарах моих –
как он утирался руками
от слез бельевых –

от стонов и криков
от видевших, жаждущих смерть

...а нынче – во тьму – и ни вздоха
ни вздоха не сметь

4.

смерть.
снова она.
потому что никто не знает, как это будет.
но все – интересуются.

некоторые боятся
и хотят умереть во сне.

некоторые, такие, как я –
мечтают пережить – последнее,
«это» – мгновение.

чтоб – либо погаснуть,
а либо – торжествовать.
[чтоб свет. чтоб не жёг.
чтоб друзья в кружок]
и, чтобы не сбиться на рифму,
последнее – главное – основное –
смерть неизбежна.

Сергей Шаргунов

Дорогой ты мой Захарка,
Старый добрый брат Захар.
Ты – и мрачная заварка,
И счастливый самовар!

Ты на джипе и на танке,
А вокруг – семьи уют.
И монахини, и панки
Гимн Прилепину поют.

Ты и Керженец прозрачный,
И пылающий вулкан.
Пусть встречает Бойко плачем
Каждый новый твой роман.

Ты – омоновец суровый,
Ты же – главный демонстрант.
Но всему тому основой
Твой божественный талант!

Дорогой ты мой Прилепин
(Можно Женей назову?)
Будь всегда великолепен!
(И переезжай в Москву!)

Сергей Щербаков

3. ПРИЛЕПИНУ

(о книге «Взвод»)

Через истёртые страницы
Старинных книг в какой-то миг
Вдруг проступают лица,
Живые лица, тех, – других.
Кто штык точил на бивуаке
И кто в лихой гусарской драке
Один рубился за троих.
Одни – погибли в бранной сече,
Других покой настигнул вечный
В кругу заботливых родных...
Военный век легко прощает
Безумной удали грехи,
И память сердца превращает
Сражений смертные зарницы
В неповторимые стихи.
Под беспощадною картечью,
Летающих лет,

Вдали теряется и тает
Картавый выговор французский,
Походный шаг пехоты русской,
И золотой, с кровавым светом,
Блеск генеральских эполет.
Но и в наградах, и парадах,
Огне сегодняшнего дня,
И над спокойными полями,
И над суровыми полками
Горит солдатскою надеждой
Великой славою горда –
Звезда двенадцатого года
И сорок пятого звезда.

ПИСЬМО МОНАХИНИ МАРЬИ:

"ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогой Захарушка, это Тамара Про-
сковьева, которая теперь монахиня Марья.

Вот веришь, нет, первый всплеск по-
сле известия о теракте (мы ведь сначала
думали, что – всё...) – слезы ярости, всё
бросаю и вот так прямо в подряснике беру
автомат и еду за ленточку, сволочи!..

Опомнилась, успокоилась – у меня ведь свой фронт и своё дело. А новости со всех сторон молниями – тяжелый, но жив, жив, жив, ЖИВ!.. а день-то какой – наш престольный праздник, великомученика Георгия Победоносца... Будем жить, будем работать. Работы впереди ого-го сколько. Ведь и русская литература должна жить – а без Захарушки сейчас кто ее из колыбельки поднимет, на ножки поставит, "мама" говорить научит?.. Мы хоть и закрыто живем и с миром мало соприкасаемся, но подглядываю изредка за поэзофронтом, уроки русского подглядываю)

Поклон тебе от сестер нашего монастыря – Свято-Георгиевского, – мы все с 14 года горячо молитвенно с нашими бойцами, поименно, насколько возможно!

Мама моя тебя тоже помнит, вы в Сарове общались – передает тебе привет, она переживает сильно.

Сестры нашего монастыря очень плакали, увидев фото Саши. Молимся.

Но мы ведь знаем – там Михаил Архи-

стратиг его зачислил в рать свою. Смыкаем строй, как всегда – и воины, и русские монахи вместе – и идём дальше; выздоравливай, молитвенно желаем тебе духовной и телесной крепости – враг будет разбит, победа будет за нами. Господь уже победил эту нечисть.

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Караулов	10
Елена Заславская.....	18
Татьяна Антипова	21
Владимир Безденежных.....	23
Светлана Василенко	27
Арсений Гончуков	29
Евгений Гусев.....	31
Урсула Дар.....	32
Людмила Зуева.....	35
Михаил Крупин	38
Елена Крюкова	40
Светлана Леонтьева.....	46
Юрий Пронин.....	62
Александр Проханов	64
Владимир Решетников	70
Михаил Садовский.....	71
Владимир Терехов	75
Владимир Хомяков.....	78
Ольга Хохлова.....	80
Сергей Шаргунов	86
Сергей Щербаков	88

Литературно-художественное издание

«БАТАЛЬОН ПРИЛЕПИНА»

(СТИХОТВОРЕНИЯ ЗАХАРУ)

Редактор: С.Г. Леонтьева

Верстка: С.Н. Ерохин

Отпечатано в ООО «Типография «Вариант».

Нижегородская область, г. Богородск

тел. (83170) 2-49-09

моб. 8-910-874-52-44